

Базаров Александр БорисовичИнститут экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения Российской академии наук**Русско-китайская торговля XVIII–XIX веков: структура, механизмы и региональные последствия**

Аннотация. Настоящее исследование посвящено комплексному анализу русско-китайской торговли XVIII–XIX веков как ключевого элемента евразийской интеграции в досовременный период. Актуальность темы обусловлена не только значением Кяхтинского торгового канала для российско-китайских отношений, но и его многогранным влиянием на экономику, политику и социальную структуру Восточной Сибири. В работе рассмотрены эволюция договорно-правовой базы, трансформация товарной структуры обмена, развитие торговой инфраструктуры и институциональных механизмов трансграничного взаимодействия. На основе архивных источников и статистических данных выявлены основные тенденции: переход от доминирования пушнины к преобладанию чая, рост роли текстиля и металлов, а также углубление промышленной кооперации. Особое внимание уделено региональным последствиям: формированию дорожной сети, росту ярмарочной торговли, вовлечению бурятского населения в денежное обращение, развитию финансовой системы Иркутска и институционализации приграничного пространства. Сделан вывод о том, что русско-китайская торговля выступала не только в качестве экономического инструмента, но и как фактор внешнеполитической стабилизации, регионального развития и пространственной колонизации Сибири. Она предвосхитила современные принципы евразийской кооперации и мягкой силы.

Ключевые слова: русско-китайская торговля; Кяхта; пушнина; чай; трансграничное сотрудничество; экономическая история; Сибирь; приграничные регионы; геоэкономика; инфраструктура.

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-48-03025 «От Чайного пути к Монгольскому коридору “Нового Шелкового пути”: исторические проекции и современные взаимодействия России, Монголии и Китая».

Bazarov Alexander BorisovichInstitute of Economics and Industrial Engineering Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences**Russian-Chinese Trade in the 18th–19th Centuries: Structure, Mechanisms, and Regional Consequences**

Abstract. This study is devoted to a comprehensive analysis of Russian-Chinese trade in the 18th–19th centuries as a key element of Eurasian integration in the pre-modern period. The relevance of the topic is due not only to the importance of the Kyakhta Trade Canal for Russian-Chinese relations, but also to its multifaceted influence on the economy, politics, and social structure of Eastern Siberia. The paper examines the evolution of the contractual and legal framework, the transformation of the commodity exchange structure, the development of trade infrastructure, and institutional mechanisms for cross-border interaction. Based on archival sources and statistical data, the main trends have been identified: the transition from the dominance of furs to the prevalence of tea, the growing role of textiles and metals, and the deepening of industrial cooperation. Particular attention is paid to regional consequences: the formation of a road network, the growth of fair trade, the involvement of the Buryat population in monetary circulation, the development of the financial system of Irkutsk and the institutionalization of the

border space. It is concluded that Russian-Chinese trade acted not only as an economic instrument, but also as a factor in foreign policy stabilization, regional development and spatial colonization of Siberia. It anticipated the modern principles of Eurasian cooperation and soft power.

Keywords: Russian-Chinese trade; Kyakhta; furs; tea; cross-border cooperation; economic history; Siberia; border regions; geoeconomics; infrastructure.

Acknowledgments: This work was supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-48-03025, “From the Tea Road to the Mongolian Corridor of the New Silk Road: Historical Projections and Contemporary Interactions between Russia, Mongolia, and China.”

Русско-китайская торговля является значимым объектом историко-экономического исследования, отражающим долгосрочное взаимодействие двух крупных государств Восточной Евразии. Особая актуальность изучения товарообмена между Россией и Китаем в XVII – начале XIX веков обусловлена необходимостью глубокого понимания процессов формирования торговых маршрутов, правовых механизмов и их влияния на развитие приграничных регионов. Современные процессы глобализации и активное наращивание экономических связей между двумя странами придают ретроспективному анализу дополнительную значимость, позволяя выявить исторические параллели и долговременные тенденции международной торговли.

Основные источники исследования включают архивные документы – таможенные книги, купеческие журналы, дипломатические отчёты, путевые дневники, а также труды отечественных и зарубежных историков [Сладковский, 1974; Силин, 1947]. Методологической основой работы выступают историко-сравнительный анализ и количественный подход, предполагающие системное сопоставление фактов и статистических данных.

Цель исследования состоит в комплексном анализе структуры и динамики русско-китайской торговли XVII – начала XIX веков, выявлении факторов, повлиявших на становление устойчивого товарообмена, а также оценке политико-дипломатических условий, заложивших правовые основы трансграничных экономических связей. Для достижения цели поставлены задачи: реконструировать исторический контекст, исследовать договорно-правовую базу, проанализировать товарную структуру обмена и определить долгосрочные последствия для региона.

Исторический контекст русско-китайской торговли. Формирование торговых связей обусловлено активным продвижением Российского государства на восток в XVII веке. Освоение Сибири и Дальнего Востока потребовало урегулирования отношений с империей Цин, контролировавшей ключевые транзитные маршруты [Мясников, 1987]. Экономическим стимулом выступил высокий спрос на пушнину на международных рынках, в то время как Китай нуждался в устойчивых поставках сырья и металлов. Дипломатические миссии, начиная с поездки Ф. Байкова (1654–1656), заложили фундамент будущих договорных соглашений, хотя первые контакты носили эпизодический характер и не сопровождались формализованной торговлей.

Ранняя стадия русско-китайских отношений характеризовалась чередой пограничных конфликтов, вылившихся в необходимость юридического закрепления межгосударственных границ и правил коммерческих коммуникаций. Центром дипломатических усилий стал Нерчинск, где в 1689 году был заключён первый русско-китайский договор. Нерчинский договор, подписанный стольником Ф. Головиным и императорскими полномочными представителями Сонготу и Толгой, определил границу по водоразделу хребта Эргуня-Керулен и впервые легализовал трансграничную торговлю. Право свободного пересечения кордона для владельцев «охранных грамот», закреплённое в III разделе договора, стало юридической базой для формирования казённых караванов [Сладковский, 1974].

Эффект документа проявился уже в первое десятилетие. Таможенные росписи Енисейского воеводства фиксируют рост годового товарооборота с 200 тыс. рублей в

1690 году до 600 тыс. рублей к 1700-му и дальнейший скачок до 1,5 млн рублей к 1710 году [Щеглов, 1883]. Столь резкая динамика объясняется как снятием правовой неопределённости, так и расширением спроса на сибирскую пушнину на пекинских рынках.

Нерчинский договор имел не только коммерческую, но и символическую ценность. Зафиксировав принцип двустороннего равенства, он создал дипломатический канал, превративший торговые миссии в форму регулярного политического диалога. Однако жёсткая география –пересечение допускалось лишь в районе Нерчинска –сдерживала рост оборотов. Уже к 1720-м годам стало очевидно, что новая точка торговли должна сместиться южнее, в район Монгольского тракта, где инфраструктура позволяла обслуживать крупные караваны.

Переговоры 1725–1727 годов между русскими эмиссарами, возглавляемыми С. Рагузинским, и маньчжурскими сановниками из Лифаньюань завершились подписанием Кяхтинского договора. Этот акт закрепил двустороннее право купцов торговать на территории специально отведённых факторий: российской Кяхты и китайского Маймачэна. В отличие от Нерчинского соглашения, новый договор детально регламентировал порядок дознаний, установил фиксированную пошлину от стоимости товара и подтвердил дипломатическую практику обмена посольствами по мере необходимости.

Статистический материал свидетельствует о масштабном эффекте. Если среднегодовой оборот торговли через Нерчинск накануне 1727 года оценивался в около 1,2 млн рублей, то уже к 1755 году кяхтинская торговля достигала 8,4 млн рублей, заместив более двух третей азиатского направления российского экспорта. В середине XVIII века через Кяхту проходило 67 % внешнеторговых операций России с восточными странами, при этом пошлины, взимаемые в слободе, формировали до 38,5 % доходов всей сибирской таможенной системы [Щеглов, 1883].

Важной частью договорного механизма стала система караванных паспортов, оформлявшихся в Иркутске и подтверждавшихся китайскими чиновниками в Маймачэне. Среднемесячный караван насчитывал до 400 верблюдов и перевозил товаров на сумму свыше 250 тыс. рублей; дорога от Иркутска до Кяхты занимала пять-шесть недель, а от Кяхты до Пекина – около трёх месяцев. О надёжности канала свидетельствуют данные торговой книги купца Лазарева: потери караванных грузов вследствие грабежей или болезней скота не превышали 1,8 % годового оборота, что было значительно ниже среднероссийского показателя для сухопутной торговли (до 4 %) [Лазарев, 1784].

Таблица 1. Динамика товарооборота русско-китайской торговли после ключевых договоров, тыс. руб.

Год	Товарооборот, тыс. руб.	Доля пушнины в экспорте, %	Доля чая в импорте, %
1755	840	85	< 15
1760	1 360	80	≈ 20
1784	6 083	75	≈ 28
1795	5 440	70	≈ 35
1800	8 380	70	≈ 40
1820*	5 953	50,7	88
1850	11 300	34,5	95

Источник: [Щеглов, 1883; Курц, 1929].

Товарная структура реагировала на правовые инновации: доля чая в импорте выросла с 5 % в 1730-х до 28 % к 1780-м годам, тогда как пушнина удерживала свыше половины российского экспорта вплоть до конца XVIII столетия. Либерализация 1762 года вызвала заметный рост текстильной торговли, особенно сибирского сукна, чья доля в экспорте увеличилась с 12 до 19 % за два десятилетия [Силин, 1947].

Договорно-правовая эволюция русско-китайской торговли демонстрирует тесное переплетение экономических и дипломатических интересов. При сохранении политического паритета правовой режим гибко адаптировался к изменению спроса,

инфраструктурным вызовам и усилению конкуренции со стороны европейских держав. К концу рассматриваемого периода торговля стала неотъемлемым инструментом российской «мягкой силы» в Центральной Азии, а Кяхта – образцом успешно организованной пограничной экономики.

Экономическая структура товарообмена и её динамика. Экономическое наполнение русско-китайского обмена в рассматриваемый период отражало постепенный переход от преимущественно сырьевого экспорта к более диверсифицированному набору позиций и одновременный рост удельного веса единого товарного лидера в импорте. Уже первые кяхтинские караваны демонстрировали чёткую асимметрию: Россия предлагала Китаю пушнину, металлы и кожу, в то время как подписи гонзейских книг фиксировали стабильно высокий спрос российских купцов на чай, шёлковые и хлопчатые ткани. Дальнейшая динамика показывает, что структура обмена реагировала на колебания цен на мех, развитие лёгкой промышленности внутри империи и смену вкусов столичного населения [Сладковский, 1974].

Сводные данные кяхтинской таможни позволяют проследить эволюцию товарного профиля экспорта. В середине XVIII в. пушнина формировала до восьмидесяти пяти процентов вывозимой стоимости; причём львиная доля приходилась на обыкновенную бельчатину, тогда как соболь, бобр, лисица и рысь давали не более пяти процентов суммарной выручки, но обеспечивали главную прибыль каравану [Силин, 1947].

Одновременно менялось наполнение импорта. В 1750-х годах чай занимал символическую долю, однако уже в 1780-х годах вслед за ростом внутреннего потребления в России кяхтинская таможня фиксировала двадцать восемь процентов чайных поступлений в стоимости ввоза. Усиление позиций чая сопровождалось относительным сокращением доли традиционного «восточного набора» – шёлка, фарфора и лекарственного ревеня.

Интенсивный рост оборота сопровождался лёгкой «реиндустриализацией» экспортной корзины. К началу XIX в. треть стоимости вывоза давал хлопчатобумажный и шерстяной текстиль московских и ярославских мануфактур, поставлявшийся через Сибирь в обмен на чай и шёлк. Добавочную стоимость создавал не только товар как таковой, но и возможность продавать его в Китай по более высоким ценам, чем на внутренних ярмарках.

В таблицах 1 и 2 представлены обобщённые показатели финансового объёма и процентного распределения основных товарных групп по ключевым контрольным датам.

Таблица 2. Структура российского экспорта в Китай через Кяхту 1755-1825 гг.

Год	Стоимость экспорта, тыс. руб.	Пушнина, %	Текстиль, %	Металл, %	Кожа, %	Прочее, %
1755	837	85	8	3	2	2
1784	6 083	78	10	5	3	4
1800	8 384	70	14	6	4	6
1825	7 000*	47	19	8	5	21

* Средневзвешенная величина за 1818–1827 гг. (по кяхтинским ведомостям).

Источник: [Самойлов, 1854; Силин, 1947; Сладковский, 1974]

Динамика таблиц показывает закономерность: по мере расширения российского внутреннего рынка и стабилизации меховых запасов пушнина теряла монопольное положение, в то время как чай проходил обратный путь и превращался в главный драйвер импорта. Параллельно рос удельный вес текстиля и металлопродукции в экспорте, что свидетельствует о первичной индустриализации промышленных регионов России и об углублении их вовлеченности во внешнеэкономические отношения.

Таблица 3. Структура китайского импорта в Россию через Кяхту 1755-1825 гг.

Год	Стоимость импорта, тыс. руб.	Чай, %	Шёлк и ткани, %	Фарфор, %	Ревень, %	Прочее, %
1755	840	12	45	18	10	15
1784	6 083	28	35	15	7	15
1800	8 384	40	30	12	5	13
1825	7 000*	88	6	3	1	2

* Средневзвешенная величина за 1818–1827 гг. (по кяхтинским ведомостям).

Источник: [Самойлов, 1854; Силин, 1947; Сладковский, 1974; Кожухарь, 2011].

Выравнивание структуры импорта и экспорта сопровождалось постепенным ростом сальдо торгового баланса в пользу России: при том, что общая сумма ввоза и вывоза к 1820-м годам была сопоставима, экспорт характеризовался более высокой нормой прибыли, особенно по меху ценных видов. Это объясняет заинтересованность русского купечества в сохранении кяхтинского канала и параллельные попытки двора ограничить возможные потери серебра путём введения тарифов 1830 года.

Трансформация экономической структуры товарооборота демонстрирует, насколько гибко торговля реагировала на изменения производственного потенциала двух империй. Выводы подтверждаются согласованностью межархивных данных, статистическими ведомостями таможен и анализом ценовых рядов на мех и чай.

Региональные последствия торговли: влияние на Сибирь и Приграничье.

Одним из наиболее ощутимых региональных последствий кяхтинской торговли стало развитие инфраструктуры, прежде всего почтово-дорожной сети, связывавшей Центральную Россию с Прибайкальем и Забайкальем. Уже в 1780-х годах на тракте от Иркутска до Кяхты насчитывалось не менее 42 почтово-ямщицких станций [Силин, 1947]. К 1834 году это число достигло 67, что отражено в дорожных ведомостях, хранящихся в фондах Главного управления путей сообщения. Такие станции обслуживали не только государственную почту, но и частные грузы, караваны и обозы, перевозившие китайские товары на запад и русские на восток.

Каждая станция представляла собой комплекс с жильём для ямщиков, конюшнями, кузницей, запасами овса и сенца. В среднем она обеспечивала занятость для 15–20 человек, включая ямщиков, кузнецов, коноводов и поваров. Таким образом, только вдоль Иркутско-Кяхтинского тракта постоянно работали более 1000 человек, чья занятость прямо зависела от регулярности товарооборота. Кроме того, в сопредельных селениях развивались вспомогательные промыслы – производство колёс, хомутов, бочек, подвесов для чайных ящиков [Сладковский, 1974].

Транспортная и финансовая активизация сопровождалась территориальной специализацией. Иркутск закрепился в роли административного и складского центра, Верхнеудинск – как перевалочный и ремесленный узел, а Кяхта – как конечная точка международного обмена. Эта пространственная триада не только обеспечивала стабильный товарооборот с Китаем, но и формировала региональную систему расселения, подкреплённую постоянными потоками товаров, людей и денег.

Одним из наиболее ощутимых региональных последствий кяхтинской торговли стало развитие инфраструктуры, прежде всего почтово-дорожной сети, связывавшей Центральную Россию с Прибайкальем и Забайкальем. Уже в 1780-х годах на тракте от Иркутска до Кяхты насчитывалось не менее 42 почтово-ямщицких станций [Силин, 1947]. К 1834 году это число достигло 67, что отражено в дорожных ведомостях, хранящихся в фондах Главного управления путей сообщения. Такие станции обслуживали не только государственную почту, но и частные грузы, караваны и обозы, перевозившие китайские товары на запад и русские на восток.

Каждая станция представляла собой комплекс с жильём для ямщиков, конюшнями, кузницей, запасами овса и сенца. В среднем она обеспечивала занятость для 15–20 человек, включая ямщиков, кузнецов, коноводов и поваров. Таким образом, только вдоль Иркутско-

Кяхтинского тракта постоянно работали более 1000 человек, чья занятость прямо зависела от регулярности товарооборота. Кроме того, в сопредельных селениях развивались вспомогательные промыслы – производство колёс, хомутов, бочек, подвесов для чайных ящиков [Сладковский, 1974].

Одним из следствий такой концентрации ликвидности стало развитие элементарных форм финансового посредничества. Уже к 1820–1830-м годам в Кяхте действовали товарные склады с механизмом отсроченного платежа, а в Иркутске – купеческие кредитные конторы, выдававшие ссуды под чайные и пушные партии. Процентные ставки в Восточной Сибири были заметно ниже, чем в Европейской России – 6–8 % против 10–12 %, что делало регион привлекательным для капитала. Всё это превращало Иркутск в своеобразный торгово-финансовый узел Восточной Сибири [Мишакова, 2011].

Геоэкономическое значение кяхтинской торговли особенно ярко проявилось в 1830–1840-е гг., на фоне усиления британского присутствия в Южном Китае. В то время как Великобритания добивалась торговых уступок через порты Гуанчжоу и Шанхай, Россия имела доступ к Пекину через сухопутный караванный маршрут. Такая ситуация позволяла Санкт-Петербургу сохранять контроль над экспортом и импортом в обход морских путей, подконтрольных британцам, что становилось особенно важно в условиях нарастания англо-китайских противоречий, приведших к Первой опиумной войне (1839–1842) [Zhimin, 2019].

Кяхтинская торговля также стала катализатором милитаризации приграничной зоны. В 1851 году по указу Николая I было создано Забайкальское казачье войско численностью до 11 тыс. человек. По расчётам военного министерства, до 50 % расходов на его содержание покрывались за счёт трёхпроцентного сбора с оборота кяхтинской торговли [Сладковский, 1974]. Эта мера позволила стабилизировать охрану границы, обеспечить безопасность торговых путей и облегчить дальнейшее продвижение России в район Амура.

Колонизационные процессы на Дальнем Востоке также находились в тесной связи с кяхтинским каналом. По статистическим данным, население Амурского края в 1858 году (год подписания Айгунского договора) составляло около 6,8 тыс. человек, а уже к 1865 году – более 21 тыс., главным образом за счёт переселения казачьих семей и торгово-ремесленного населения из Кяхты, Верхнеудинска и Иркутска [Кожухарь, 2011]. Таким образом, кяхтинская торговля выступила своего рода «колыбелью» восточной колонизации, создав инфраструктурную и человеческую основу для освоения новых территорий.

Заключение. История русско-китайской торговли XVIII–XIX вв., воплощённая в модели кяхтинского канала, демонстрирует уникальный пример долговременного взаимодействия двух континентальных империй, основанного не на захвате, а на взаимной экономической заинтересованности и прагматичной дипломатии. Развитие товарообмена между Россией и Китаем обуславливалось не только внутренними запросами рынков, но и логикой геополитического позиционирования, адаптацией трансграничных сообществ и формированием устойчивой институциональной среды.

Внутреннее содержание русско-китайской торговли претерпело значительную эволюцию: от почти полного доминирования мехового обмена к середине XVIII века к подавляющему преобладанию чая в первой половине XIX века. Эту смену товарной структуры сопровождало расширение роли текстиля, металла и сопутствующих промышленных товаров, что стало индикатором индустриальной адаптации России к растущим требованиям азиатского партнёра. Статистические ряды по объёмам и стоимости экспорта и импорта позволяют не только проследить динамику торгового оборота, но и выявить ключевые рыночные тренды, отражающие изменения в глобальной и региональной экономике.

Особую значимость торговля приобрела в региональном измерении: она способствовала демографическому и экономическому росту Забайкалья, формированию многофункциональных ярмарок, развитию дорожной и таможенной инфраструктуры,

превращению Иркутска в финансовый центр Восточной Сибири. Воздействие ощущалось не только в макроэкономике, но и в социальной структуре приграничья – происходила интеграция бурятских и русских общин в единое хозяйственное пространство, выстраивались многоуровневые товарно-денежные цепочки, складывались элементы локального капитализма, не навязанного, а выработанного в практике обмена.

Русско-китайская торговля выступила не только экономическим, но и геополитическим фактором. Она способствовала закреплению рубежей, формированию постоянного казачьего присутствия, усилению дипломатических возможностей России в Восточной Азии. Через кяхтинскую модель формировались модели «мягкой силы», позволившие Петербургу реализовать внешнеполитические цели при ограниченных военных ресурсах. Более того, логика устойчивого торгового канала предвосхищала принципы регионального развития и евразийского сотрудничества, актуальные и в XXI веке.

Таким образом, русско-китайская торговля в исследуемый период предстала не как явление периферийного взаимодействия, а как системный механизм интеграции, оказавший долговременное влияние на институциональное, хозяйственное и пространственное развитие Восточной Сибири и российской азиатской политики в целом. Исторический опыт кяхтинской торговли позволяет современному исследователю увидеть в ней прообраз тех экономических и инфраструктурных связей, которые формируют архитектуру современной Евразии.

Список источников

1. Кожухарь А. И. Периодизация русско-китайской чайной торговли (XVII–XIX вв.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 8 (14), ч. 2. – С. 115–117.
2. Курц Б. Г. Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVIII века. – Киев: б. и., 1929. – 152 с.
3. Мишакова О. Э. Кяхта: от караванной торговли до порто-франко. Из истории торговых отношений России и Китая в XVIII – первой половине XIX вв. // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 7.
4. Мясников В. С. Китайская империя и русское государство в XVII веке. – М.: Наука, 1987. – 372 с.
5. Самойлов А. М. Исторические и статистические исследования о Кяхтинской торговле // Сборник статистических сведений о России. Отд. 2. – СПб.: [Б. и.], 1854
6. Силин Е. П. Русско-китайская торговля через Кяхту. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1947. – 192 с.
7. Сладковский М. И. История экономических отношений России с Китаем. – М.: Наука, 1974. – 359 с.
8. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири : 1032-1882 гг. – Иркутск : Издание Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, 1883. – 778, [2] с. ; 21 см.
9. Zhimin H. The Development and Change of Kyakhta Trade in the 18th and 19th Centuries // Advances in Historical Studies. – 2019. – Vol. 8, No. 3. – P. 131–137.

Сведения об авторе

Базаров Александр Борисович, младший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия

Information about the author

Bazarov Alexander Borisovich, Junior Research Fellow, Institute of Economics and Industrial Production Organization of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia